

С.В. Лихачев

Московский городской педагогический университет, г. Москва

S.V. Likhachev

Moscow City Pedagogical University, Moscow

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКРЕПЛЕННЫХ МАЛЫХ ТЕКСТОВ КАК УТИЛИТАРНОГО ДИСКУРСА

THE PROBLEMS IN THE STUDY OF FIXED SMALL TEXTS AS UTILITARIAN DISCOURSE

Ключевые слова: дискурс, текст, утилитарный, автор, адресат, коммуникация

Keywords: discourse, text, utilitarian, author, recipient, communication

Статья посвящена теоретическому решению вопроса о возможности или невозможности рассматривать малые утилитарные тексты на предметах в качестве дискурса. В статье представлен обзор различных традиций определения и изучения дискурса. Автор выделяет в изучаемом вопросе пять проблем, которые отражают коммуникативные особенности утилитарного дискурса. Анализ примеров из речевой практики в трех областях социокультурной жизни позволяет разрешить обозначенные проблемы.

The article is devoted a theoretical solution to the question about the ability or inability to consider small utilitarian texts on subjects as discourse. The article provides an overview of different traditions define and study of discourse. The author highlights in the investigated issue five problems, which reflect the communicative features of utilitarian discourse. Analysis of examples of verbal practices in three areas of social and cultural life makes it possible to resolve identified problems.

Исследования дискурса – активно развивающееся и перспективное направление современной гуманитарной науки, без которого немислимо дальнейшее изучение как языка, так и речи. «Дискурс-анализ, как одно из ведущих междисциплинарных направлений, изучающих языковое общение, явился своеобразной реакцией на сосюровский, а позже — хомскианский редукционизм предмета языкознания» (Макаров, 2003: 83). Предметом для анализа дискурса чаще становятся развернутые тексты, поскольку дискурсом называли и называют до сих пор «language above the sentence or above the clause» (язык выше конкретного суждения или предложения) (Stubbs, 1983: 1), «структурированная последовательность речевых действий, образующих коммуникативное единство более высокого уровня» (Филиппов, 2007: 71). Следует отметить, что существуют и другие взгляды: «Дискурс может состоять и из одного предложения при условии, что он будет обладать всеми

признаками, которыми обладают два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи и образующих эксплицитный дискурс» (Звегинцев, 1976: 170 – 171).

Насколько возможно применить понятие дискурса к утилитарным текстам, закрепленным на предметах: наименованиям, инструкциям, запретам, предписаниям, – состоящим, подчас, из одного слова? С какими экстралингвистическими факторами связано существование этих текстов? Как взаимодействуют утилитарные тексты друг с другом? Как можно характеризовать их автора и адресата? Вот круг вопросов, ответы на которые мы попытаемся найти.

Для ответа на поставленные вопросы необходимо, прежде всего, определить само понятие дискурса. Еще до того, как слово *дискурс* прочно вошло в лингвистический обиход, оно приобрело ряд значений в других областях знаний: «методически выстроенное обсуждение какой-либо научной темы», «обсуждение мнений или норм, претендующих на некоторую значимость», «философский диалог с целью приблизиться к истине» (Филиппов, 2007: 71). В лингвистической науке единого понимания дискурса также еще пока нет. Под дискурсом понимают «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, "погруженная в жизнь"» (Арутюнова 1990: 136 – 137).

Еще одно понимание связано с немецкой научной традицией, где под дискурсом понимают «*offene Textmengen*» (открытые множества текстов) объем которого ограничивают «*die Thematische und formale Grundstruktur von zentralen Text-Ereignissen und deren Genesis*» (основные тематические и формальные структуры центральных текстовых событий и их производные) (Heinemann, 2002: 119 – 120).

Наконец, существует подход, в котором для определения дискурса не используется понятие текста: Э. Бенвенист считал *le discours* выражением «языка как средства общения» (Бенвенист 1974: 139), причем характеристикой «*instance de discours*» (речевого примера) является «текущая референтная соотнесенность» (там же: с. 295). Через понятие референтной соотнесенности дискурс у Э. Бенвениста оказывается связанным с экстралингвистической действительностью.

М.Я. Дымарский противопоставляет текст и дискурс, отмечая «невозможность существования дискурса вне прикрепленности к реальному физическому времени, в котором он протекает» (Дымарский, 2006: 39). Из последнего утверждения следует наличие у всякого дискурса возможности еще не наступившего будущего. Таким образом, «дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» (Макаров, 2003: 86).

Итак, обнаруживается ряд проблем на обозначенном пути исследования закрепленных утилитарных текстов малых жанров как дискурса. Первая – выбор между одним из представленных в различных научных традициях определений дискурса и попыткой объединить эти определения. Вторая проблема – очевидное отсутствие в малых жанрах развернутых последовательностей слов, присутствующих в дискурсе. Третья проблема носит более практический характер: автор и адресат закрепленных текстов неизвестны исследователю. О них можно делать только косвенные выводы по стилю речи, целям общения и самое главное – ситуации общения, месту расположения текста. Четвертую проблему составляет видимое отсутствие процессуального характера утилитарного дискурса. Пятую – пространственная разобщенность утилитарных текстов.

В свете изложенных проблем решение поставленных вопросов предстает труднодостижимым, но «мы должны быть готовы в любой момент принять дискурс со всеми вторгнувшимися в его пределы событиями, во всей присущей ему строгости и в том временном рассеивании, которое позволяет ему быть повторяемым, узнаваемым, забываемым, изменяемым до самых мельчайших черт» (Фуко, 1996: 19 – 20).

Теоретическую проблему многообразия взглядов на дискурс можно решить, сопоставив их. Все многообразие мнений более или менее сводимо к трем идеям: 1) дискурс включает единицы более крупные, чем предложение, 2) дискурс связан с экстралингвистической реальностью, 3) в дискурсе объединены многие самостоятельные речевые произведения (тексты). Первая идея не противоречит остальным двум, однако она не является достаточной для определения дискурса. Вторая и третья идеи относятся будто бы к разным объектам, но если задуматься, то в экстралингвистической реальности помимо автора, адресата и ситуации обязательно окажутся иные тексты, так как всякий текст в большей или меньшей мере обладает интертекстуальностью, то есть связан с другими текстами, знакомыми автору. Таким образом, в круг дискурса попадет множество текстов, что соответствует третьей идее. Последняя, в свою очередь, не может обойтись без экстралингвистической реальности: социальной, политической, военной, религиозной: множество высказываний тематически объединяется в дискурс вокруг некоторых социальных практик. «Letztlich sind nicht nur Discurse, sondern alle menschlichen Tätigkeiten durch solche Oppositionssysteme geordnet» (Diaz-Bone 2010: 74). (Наконец, существует не только дискурс, но и все виды деятельности человека, посредством которых организуется система оппозиций). Подытоживая рассуждение, можно предложить определение дискурса, объединяющее три названные идеи: дискурсом будем считать совокупность речевых произведений, объединенных интертекстуальными связями и экстралингвистическим взаимодействием. При этом можно выделить ядерное/ые произведение/я и периферийные, но нельзя провести строгие границы.

Тем не менее можно определенно установить отношение некоторых текстов к разным дискурсам. Рассмотрим пример: в университетской

аудитории студенты закрепили на двери с внутренней стороны листок с текстом: «*Вы хотите выйти? ОК*». Данный пример демонстрирует перенос из одного дискурса в другой. Дискурс-донор – тексты диалоговых окон компьютерной операционной системы. Дискурс-реципиент состоит из утилитарных текстов в зданиях университета: названия кафедр, лабораторий, отделов на дверях, временные объявления такие, как «*Тихо. Идет экзамен*». На периферии этого дискурса окажутся тексты: «*Прием пищи в аудитории категорически запрещен*»; на двери студенческого совета «*Не мешайте людям творить*»; в буфете «*У нас порядок такой: поел посуду уберу за собой*» (пунктуация источника), «*Стол для преподавателей*»; надпись «*Уходя, гасите свет*». На дальней периферии этого же дискурса окажутся тексты «*Товарищи!!! Пожалуйста ставьте на продуктах даты, и не забывайте, что они ВАШИ. В противном случае в конце каждого месяца все будет безжалостно выбрасываться!!!!!! Спасибо за понимание ☺*» в деканате на холодильнике или «*Текстом вверх*» - на принтере (пометка об особенностях закладки в лоток черновой бумаги). Однако по условиям существования дискурса-донора перемещенный текст не вписывается даже на периферию дискурса-реципиента, так как первый предполагает интерактивность надписи, а второй не располагает такими возможностями. Текст воспринимается именно как инсталляция и никому не придет в голову нажимать на «*ОК*», чтобы выйти. Отсюда следует, что помимо законов языка в каждом дискурсе действуют свои законы, отличающие его от других дискурсов.

Проблема отсутствия в малых утилитарных текстах развернутых конструкций, состоящих более чем из одного предложения, решается на уровне взаимодействия таких текстов. Диалог также может состоять из коротких реплик, но взятые вместе они образуют дискурс. Однако в диалоге реплики связаны живым процессом общения. А чем связаны утилитарные малые тексты? «*In den Sozialwissenschaften besteht ein Grundkonsens darüber, dass die Beziehungen der Menschen zur Welt durch kollektiv erzeugte symbolische Sinnsysteme oder Wissenordnungen vermittelt werden*» (Keller, 2001: 7) (В социальных науках существует сложившееся мнение, что отношения людей к миру опосредованы коллективно порожденными символическими системами смыслов или системами знаний). Связность утилитарного дискурса, то есть дискурса, состоящего из закрепленных утилитарных текстов, формирует помимо самих текстов еще какая-либо система, обеспечивающая отношения человека с реальностью, связывая тексты в дискурс. Простейший пример – тексты на библиотечных разделителях. Они выстроены в алфавитном порядке, и если мы ищем книгу В. Маяковского, а перед нами на книжной полке разделитель гласит «*А. Блок*», то мы понимаем, что в соответствии с алфавитом должны двигаться далее. В той же библиотеке может быть использована и хронологическая и географическая классификация: отечественная и зарубежная литература.

Следует уточнить, что приведенные примеры – скорее редкие исключения. Чаще утилитарный дискурс объединен системой рукотворных предметов в социокультурном пространстве: с архитектурой, интерьером, техникой, – причем связан иерархически. «Sprachliche und nicht-sprachliche Praktiken können als Materialisierung von kollektivem, sozial erzeugtem und bereitgestelltem Wissen verstanden werden» (Keller, 2008: 63). (Вербальные и невербальные практики могут быть поняты как материализация коллективного, заданного знания социального происхождения). Шоссе объединяет указатели, архитектура – вывески, интерьер – таблички отделов и фирм, стеллаж – группы изделий или документов, обложка или упаковка – названия текста или социально значимого предмета, надпись на самом предмете – его назначение или инструкцию по использованию. Таким образом, утилитарный дискурс имеет строгую иерархическую организацию.

Автор и адресат надписи, как правило, не доступны непосредственному наблюдению. Wie eine Flaschenpost, von der man nicht weiss, wer sie auf die Reise geschickt hat und bei wem sie ankommen wird, ist der Text auf einer unendlichen Suche nach seinen Äusserungskontexten (Angermüller, 2007: 106). (Как бутылочная почта, о которой человек не знает, кто ее отправил в путь и кем она будет получена, текст существует в своем бесконечном поиске коммуникативного контекста). И эта проблема также разрешима: интенции автора проявляются в содержании текста и дискурсивном окружении. Например, на кладбище окружение текста включает в дискурс религиозные символы: кресты, распятия, ангелов, – поэтому автор используемого там текста может эксплуатировать религиозные чувства пришедших и суеверный страх, чтобы реализовать интенцию искоренить вандализм и воровство. Например: *«Побойся Господа Бога Нашего. Не оскверняй могил усопших. Не кради у них последнее. Ты богаче не станешь, а за грехи твои не избежишь Суда Божьего»*. Текст, пугающий судом божьим вора немислим ни в магазине, ни в музее, но вписывается в дискурс текстов на могильных плитах, который также будем считать отчасти утилитарным, так как помимо эмоциональных и ритуальных компонентов содержит имена и даты.

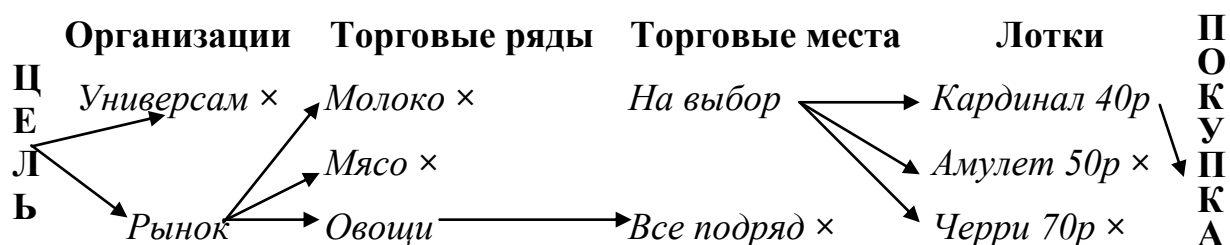
В местах торговли автор утилитарного текста может присутствовать сам рядом со своим текстом, если он продавец, например, *«Помидоры очень вкусные мясистые, сладкие обольденные Ростов на Дону! Багаевка! все подряд!»*. Даже в случае отсутствия автора, надпись многое о нем сообщает: место жительства, низкий уровень образования. Последняя часть надписи противопоставляет данный текст объявлениям «На выбор», выставленным на соседних лотках.

Адресат утилитарного текста также не остается полностью неизвестным: он понятен по ситуации, например, в последнем случае – покупатель, кроме того, обращение к адресату может содержаться в самой надписи. Например: *«К сведению торгующих! Продажа голов и ног разрешается только без кожи или в опаленном виде»*. Поскольку предписание размещено на рынке, можно предположить и кто автор – администратор. Его фигура также обретает некоторые конкретные черты.

Например, в тексте: «*Места для торговли частных и фермерских хозяйств из регионов России*» очевиден административный канцелярский стиль, так как торговать могут не хозяйства, а хозяева, а фермерские хозяйства в России – синоним частных.

Проблему статичности утилитарного дискурса можно решить, если рассматривать речевую деятельность адресата во времени. Каждый закрепленный неподвижно текст адресат воспринимает в отдельный момент времени, и из таких моментов складывается отрезок, в котором из дискурса по воле адресата строится подвижная последовательность: адресат в соответствии со своими намерениями переходит от текста к действию или к другому тексту, строя, таким образом, прихотливо развивающийся сценарий. Например, сценарий покупки помидоров предполагает четыре ступени выбора между текстами: 1) организации «*Универсам*» и «*Рынок*», 2) далее между рядами «*Молоко*», «*Мясо*», «*Овощи*», 3) далее между текстами на торговых местах: «*На выбор*» и «*Все подряд*», 4) далее возможен выбор между текстами на лотках «*Кардинал 40р*», «*Амулет 50р*», «*Черри 70р*», как показано в Схеме № 1.

Схема № 1. Пример сценария покупки с помощью утилитарных текстов

Оговоримся, что тот же самый сценарий может быть реализован с помощью устных диалогов, когда утилитарный текст отсутствует или не замечен. Сама возможность замены утилитарного текста диалогом демонстрирует функциональную синонимию утилитарного и устного дискурса, причем утилитарный дискурс имеет некоторые преимущества, а именно: позволяет экономить время и усилия.

Не является неразрешимой и проблема пространственной разобщенности дискурса, так как утилитарные тексты в каждом виде деятельности и в каждом социокультурном контексте связаны коммуникативным процессом. В частности, утилитарные тексты на рынке связаны с двумя группами авторов и двумя группами адресатов (см. схему № 2), а также образуют интенциональное и тематическое единство. Авторами являются администраторы и продавцы, адресатами – продавцы и покупатели. Интенции администрации направлены на установление порядка и порождают тексты с обозначениями, правилами и запретами. Интенции продавца

направлены на реализацию товара, поэтому порождают тексты, называющие товар, цену и условия покупки. В результате возникает утилитарный дискурс, обслуживающий торговлю.

Схема № 2. Коммуникативная структура утилитарного дискурса на рынке

В схеме приведен лишь частный случай коммуникативной организации утилитарного дискурса, но он показателен. Очевидно, что в структуре утилитарного дискурса имеет значение не только пространственное расположение текстов, но и тематика, социальные роли участников общения, их интенции. Опираясь на эти особенности, можно построить подобную схему и для других фрагментов утилитарного дискурса. Глобальная схема всего утилитарного дискурса возможна только теоретически, так как оказалась бы слишком громоздкой. Однако глобальное единство утилитарного дискурса существует на тех же основаниях, что и локальное.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990 – 686 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX – XX вв.. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.
4. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Издательство Московского университета, 1976 – 308 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
6. Филиппов К.А. Лингвистика текста.– Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 331 с.
7. Фуко М. Археология знания / Общ. ред. Б. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
8. Angermüller J. Nach dem strukturalismus. Theoriediskurs und intellektuelles Feld in Frankreich. Bielfeld: Transcript Verlag, 2007. – 283 S.
9. Diaz-Bone R. Kulturwelt, Diskurs und Lebensstil: eine diskurstheoretische Erweiterung der bourdieuschen Distinktionstheorie. 2., Eweiterte Aufgabe. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. – 451 S.
10. Heinemann M., Heinemann V. Grundlagen der Textlinguistik. Interaction – Text – Diskurs. – Tübingen, Niemeyer Verlag, 2002 – XIII, 281 S.

11. Keller R. Diskurs-Forschung. Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011 – 128 S.

12. Keller R. Wissenssoziologische Diskursanalyse: Grundlegung eines Forschungsprogramms 2., Aufgabe. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – 360 S.

13. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Oxford University Press, 1983. – 175 p.

References

1. Arutyunova N.D. Discourse / / Linguistic Encyclopedic Dictionary . - Moscow: Soviet Encyclopedia , 1990 - 686 p.

2 . E. Benveniste General Linguistics . - Moscow: Progress Publishers , 1974. - 447 p.

3 . Dymarskii M.J. Problems tekstoobrazovaniya and artistic text . On a material of Russian prose XIX - XX centuries .. - M.: KomKniga 2006 . - 296 .

4 . Zvegintsev V.A. Proposal and its relationship to language and speech. - Moscow: Moscow University Publishing House , 1976 - 308 p.

5 . Makarov M.L. Fundamentals of the theory of discourse. - Moscow: Gnosis , 2003 . - 280 c.

6. K.A. Filippov Text Linguistics . - SPB . : Publisher of St. Petersburg University , 2007 . - 331 .

7. M. Foucault, The Archaeology of Knowledge / Common. Ed. B. Levchenko . - K.: Nick Center , 1996 . - 208 .

8. Angermüller J. Nach dem strukturalismus. Theoriediskurs und intellektuelles Feld in Frankreich. Bielfeld: Transcript Verlag, 2007. – 283 S.

9. Diaz-Bone R. Kulturwelt, Diskurs und Lebensstil: eine diskurstheoretische Erweiterung der bourdieuschen Distinktionstheorie. 2., Eweiterte Aufgabe. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. – 451 S.

10. Heinemann M., Heinemann V. Grundlagen der Textlinguistik. Interaction – Text – Diskurs. – Tübingen, Niemeyer Verlag, 2002 – XIII, 281 S.

11. Keller R. Diskurs-Forschung. Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011 – 128 S.

12. Keller R. Wissenssoziologische Diskursanalyse: Grundlegung eines Forschungsprogramms 2., Aufgabe. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – 360 S.

13. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Oxford University Press, 1983. – 175 p.

(0,4 п.л.)